

КЪ ВОПРОСУ О ЗАПАДНОМЪ ВЛІЯНІИ НА ДРЕВНЕ-РУССКОЕ ПРАВО.

По поводу книги проф. А. С. Павлова:
„Мнимые слѣды католическаго вліянія въ
древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянска-
го и русскаго церковнаго права“, Москва,
1892.

Н. С. Суворова,

Ординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія М. Х. Фальтъ, Духовская ул., собств. домъ.

1893.

(RECAP)

KM

58765

~~~~~  
Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ С. Шпилевскій.  
~~~~~

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1888 году я издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“, гдѣ была мною сдѣлана попытка указать въ нашихъ древнихъ юридическихъ памятникахъ элементъ, который до сихъ поръ не былъ въ нихъ замѣченъ нашими учеными изслѣдователями,—вліяніе западно-католическаго церковнаго права. Недавно профессоръ московскаго университета А. С. Павловъ подвергъ это мое сочиненіе подробному и обстоятельному разбору. Разборъ помѣщенъ почтеннымъ ученымъ критикомъ въ нѣсколькихъ номерахъ журнала: „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1891 и 1892 гг., кромѣ того явился и въ видѣ отдѣльной книжки: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго славянскаго и русскаго церковнаго права“, Москва, 1892 г. Къ разбору профессоръ Павловъ приступилъ, по его словамъ, въ виду того, что мое изслѣдованіе „уже по новостіи своего содержанія и по рѣдкой оригинальности историческихъ воззрѣній и методологическихъ приемовъ автора, безспорно заслуживаетъ самаго тщательнаго, подробнаго, хотя бы нѣсколько и запоздалаго разсмотрѣнія“. Ознакомившись съ содержаніемъ рецензій профессора Павлова, читатель едва-ли вынесетъ изъ этой рецензій другое впечатлѣніе, кромѣ того, что, „оригинальность историческихъ воззрѣній и методологическихъ приемовъ моихъ“ означаетъ въ сущности нѣчто весьма непохвальное: отсутствіе логики, неосновательность въ соединеніи съ смѣ-

лостію и неумѣлость (см. въ особенности стр. 25, 102, 129 и 160 разбора), мало того, даже тенденціозное пристрастіе къ западу и антипатію къ востоку (стр. 48, 70, 149, 162) Чуждый на самомъ дѣлѣ какихъ-либо предвзятыхъ симпатій и антипатій и цѣня всего дороже историческую правду, я тѣмъ менѣе считалъ себя вправѣ оставить безъ отвѣта критическій разборъ моей книги, что спорные между мною и профессоромъ Павловымъ вопросы, по выраженію его самого, имѣють „высокій научный интересъ“, и что солидная ученая репутація, вполне заслуженная А. С. Павловымъ, могла-бы внушать читателямъ его разбора вѣру въ истинность всего того, что содержится въ этомъ разборѣ, безъ самостоятельной провѣрки прочитаннаго, которая притомъ даже и невозможна для большинства читателей, не имѣющихъ подъ руками разныхъ ученыхъ изданій памятниковъ, не говоря о рукописныхъ сборникахъ. Опытъ показываетъ, что иногда не только читатели, читающіе про себя и для себя, а и рецензенты вновь выходящихъ книгъ, затрудняются достать и прочитать самыя эти книги, а пишутъ рецензіи съ другихъ рецензій. Это случилось напр. съ моимъ „Курсомъ церковнаго права“. Въ томъ же самомъ духовномъ журналѣ, въ которомъ профессоръ Павловъ помѣстилъ разборъ моего сочиненія о „Слѣдахъ католич. церк. права“, нѣсколько ранѣе нѣкій духовный рецензентъ, не потрудившійся прочитать моего „Курса“, составилъ рецензію моей работы на основаніи появившихся въ печати рецензій г. Заозерскаго (въ Прав. Обозр. за 1889 г. сент.) и г. Бердникова (въ Учен. Зап. Казан. унив. за 1890 г. ноябрь—декабрь), а между тѣмъ онъ весьма рѣшителенъ въ своихъ сужденіяхъ: по его приговору, авторъ Курса, т. е. я, вынесъ изъ изученія западной науки лишь *презрѣніе къ православной церкви*. Ученые профессора духовныхъ академій, очевидно, настолько импонировали своимъ авторитетомъ рецензенту-любителю духовнаго

просвѣщенія, что онъ счелъ возможнымъ ограничиться изученіемъ ихъ рецензій, не читая самой книги рецензируемой, для того чтобы высказать о ней столь рѣшительное сужденіе. Тоже самое и тѣмъ болѣе должно было повториться съ моими „Слѣдами“ и съ рецензіей профессора Павлова, говорю: *тѣмъ болѣе* потому, что рецензія принадлежитъ извѣстному ученому, сужденія котораго должны имѣть болѣе вѣсъ, чѣмъ сужденія рецензентовъ моего „Курса“. Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ со времени появленія рецензій проф. Павлова, и рецензія его была рецензирована, на этотъ разъ уже въ свѣтскомъ журналѣ (Русск. Обзоръ, 1892 г.), между тѣмъ какъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ по изданіи мною „Слѣдовъ“, ни у кого не являлось желанія рецензировать ихъ. Рецензентъ „Русскаго Обозрѣнія“, хотя и въ очень приличной формѣ, въ сущности выразилъ то же самое, что выражено было рецензентомъ „Чтеній общ. люб. дух. просв.“. Да и мудро было вынести изъ рецензій проф. Павлова на мою книгу другое впечатлѣніе: неосновательность, неумѣлость, да еще при этомъ тенденціозное пристрастіе къ западу—таковы и въ самомъ дѣлѣ качества моей работы, по общему почтеннаго ученаго. Проф. Павловъ держится „православной“ теоріи „свѣта съ востока“, отрицая всякое вліяніе запада на востокъ, потому только, что, по православной теоріи, свѣтъ долженъ быть всегда съ востока, а не съ запада, даже и *въ области исторіи права*. Я, напротивъ, считаю нужнымъ отличать отвлеченно-религіозную сферу богословскихъ вопросовъ и практическую сферу церковнаго порядка и въ этой послѣдней сферѣ приписываю западной церкви не только самостоятельную правообразовательную дѣятельность, но и вліяніе на востокъ вообще и въ частности на древне-славянское церковное право. Возраженія проф. Павлова, изложенныя въ его рецензій на мои „Слѣды“, не колебали этого моего убѣжденія въ главномъ и существен-

номъ и—самое большое—заставили меня отказаться лишь отъ нѣкоторыхъ детальныхъ положеній, или, лучше, предположеній, которыя и мною самимъ высказывались какъ гипотезы. Но оставаясь при прежнемъ убѣжденіи, я тѣмъ не менѣе считаю долгомъ принести мою глубокую благодарность почтенному А. С. Павлову, не смотря на его неблагоприятный отзывъ о моихъ оригинальныхъ историческихъ воззрѣніяхъ и методологическихъ приѣмахъ,—благодарность за то, что своимъ разборомъ онъ вывелъ мое сочиненіе изъ забвенія и далъ толчокъ къ дальнѣйшей разработкѣ темы о западномъ вліяніи на древне-русское право. Пусть благосклонный читатель и смотритъ на мой отвѣтъ проф. Павлову съ этой именно точки зрѣнія дальнѣйшей разработки указанной темы, а не съ точки зрѣнія полемики, вызванной уколами самолюбія.

Разобранное проф. Павловымъ сочиненіе: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“ начинается съ разсмотрѣнія т. н. краткой редакціи закона суднаго, послѣ чего я перехожу къ „Заповѣди св. отецъ“, которая, по моему мнѣнію, составляетъ славянскій переводъ латинскаго пенитенціала, затѣмъ разсматриваю обширную редакцію закона суднаго, нѣкоторыя древне-русскія правила о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ, и въ заключеніе высказываю нѣсколько замѣчаній объ уставахъ, носящихъ имена князей Владиміра и Ярославъ. Такое расположение отдѣловъ изслѣдованія условливалось тѣмъ соображеніемъ, что краткая и обширная редакціи закона суднаго суть разныя литературныя произведенія, и что на послѣдней изъ нихъ отразилось прямое вліяніе „Заповѣди св. отецъ“, почему разсужденіе объ этой послѣдней и помѣщено въ серединѣ между разсмотрѣніемъ краткой и разсмотрѣніемъ обширной редакціи закона суднаго. Профессоръ Павловъ расположилъ свои возраженія въ другомъ порядкѣ.

Онъ задался цѣлью доказать восточное происхождение „Заповѣди св. отецъ“ и потому начинаетъ съ разбора той части моего изслѣдованія, которая разсуждаетъ объ этомъ памятникѣ, не безъ основанія разсчитывая, что, доказавъ всю тщетность моихъ усилій отстоять западное происхождение „Заповѣди св. отецъ“, рецензентъ тѣмъ самымъ дискредитируетъ предъ читателемъ и всѣ остальные мои поиски слѣдовъ западно-католическаго церковнаго права въ древне-русскихъ памятникахъ, такъ какъ въ другихъ отдѣлахъ изслѣдованія мнѣ дѣйствительно приходилось не разъ опираться на фактъ существованія славянскаго перевода латинскаго пенитенціала, какъ не подлежащій сомнѣнію. Если-бы я предвидѣлъ возраженія рецензента противъ латинскаго происхожденія „Заповѣди св. отецъ“, то, вѣроятно и самъ началъ бы свое изслѣдованіе съ этого памятника, несмотря на указанное выше соображеніе о вліяніи „Заповѣди“ на обширную редакцію закона суднаго, чѣмъ и опредѣлился для меня, какъ сказано, вышеозначенный распорядокъ въ моемъ изслѣдованіи. Но разъ высказаны подобныя возраженія, я охотно измѣняю планъ этого моего дополнительнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе что и для читателя, который бы взялъ на себя трудъ сопоставленія и сравнительной оцѣнки возраженій профессора Павлова и моихъ отвѣтовъ на эти возраженія, гораздо удобнѣе разсматривать отвѣты на возраженія въ порядкѣ самыхъ возраженій, чѣмъ перелистывать книгу для отысканія соотвѣтствующаго возраженію отвѣта. Итакъ я буду говорить: 1) о западномъ происхожденіи мерзбургскаго пенитенціала и „Заповѣди св. отецъ“, 2) о западномъ вліяніи на законъ судный въ обѣихъ его редакціяхъ, 3) о слѣдахъ западно-католическаго вліянія въ древне-русскихъ правилахъ о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ, 4) о церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава.

I. О западномъ происхожденіи мерзебургскаго пенитенціала и «Заповѣди св. отецъ».

Въ предисловіи къ своему сочиненію: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“ я заявилъ о неизвѣстномъ доселѣ въ наукѣ фактѣ существованія въ славянскомъ переводѣ *латинскаго* пенитенціала. Въ самомъ сочиненіи я объясняю, что изъ латинскихъ пенитенціаловъ, изданныхъ до настоящаго времени западно-европейскими учеными *наиболѣе близокъ мерзебургскій* пенитенціалъ¹⁾, но что возможно предполагать и существованіе латинскаго пенитенціала, „весьма близкаго къ мерзебургскому, кратчайшаго и древнѣйшаго чѣмъ мерзебургскій, не тождественнаго съ нимъ, и что такимъ образомъ нельзя навѣрное сказать, слѣдуетъ-ли принимать мерзебургскій пенитенціалъ за оригиналъ славянской „заповѣди св. отецъ“, или за близкій къ оригиналу латинскій покаянный уставъ²⁾. Поэтому, не считая невозможнымъ послѣдняго предположенія, я сдѣлалъ нѣсколько сопоставленій статей славянской заповѣди съ другими латинскими пенитенціалами, чтобы показать, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда славянская заповѣдь не имѣетъ себѣ образца въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ, возможно предполагать существованіе для славянскаго переводчика образца въ *латинскомъ* же пенитенціалѣ, хотя и не открытомъ еще наукой³⁾. Наконецъ,

1) Poenit. Merseburg а. по изд. Вассершлебена.

2) Стр. 110, 112 и 124 назв. моего изслѣдов.

3) Прилож. I къ и. с. стр. XVIII и XXVII.

такъ какъ этотъ послѣдній во всякомъ случаѣ еще не открытъ, я счелъ нужнымъ издать параллельный текстъ *мерзебургскаго* пенитенціала, какъ наиболѣе близкаго къ славянской переводной „Заповѣди св. отецъ“, вмѣстѣ съ текстомъ этой заповѣди.

Проф. Павловъ начинаетъ свой разборъ съ неточнаго изложенія моего взгляда на латинскій пенитенціалъ, изданный Вассершлебенемъ подъ именемъ *roenit. merseburg.* а, который будто бы я признаю безусловно за оригиналъ для славянскаго переводчика⁴⁾). Приписавъ мнѣ то, чего я не думалъ и не говорилъ, рецензентъ, когда приходится ему разсуждать объ указанныхъ выше сопоставленіяхъ „Заповѣди“ съ другими латинскими пенитенціалами⁵⁾), дѣлаетъ за меня такой выводъ: „значить (авторъ) признаетъ заповѣдь не только переводомъ съ мерзебургскаго пенитенціала, но и *компиляціей* (курсивъ проф. Павлова) изъ разныхъ латинскихъ сборниковъ того-же содержанія“. И затѣмъ отъ себя прибавляетъ: „это уже новость, къ которой почтенный авторъ насъ ничѣмъ не приготовилъ, и о которой, поэтому, мы ничего сказать не можемъ“. Къ этой новости я дѣйствительно никого не подготовлялъ, да и самъ не былъ подготовленъ къ тому, чтобы кто нибудь такъ неточно могъ истолковать мой взглядъ на отношеніе между мерзебургскимъ пенитенціаломъ и славянскимъ переводомъ латинскаго пенитенціала.

Начавъ съ неточности, проф. Павловъ и продолжаетъ неточностію. Разсматривая представленныя мною отрицательныя доказательства западнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала, рецензентъ смѣшиваетъ мерзебургскій пенитенціалъ съ валицелланскимъ 1, такъ что читающій рецензію могъ бы вынести изъ нея ложное представленіе, будто

⁴⁾ Павловъ, стр. 7.

⁵⁾ Стр. 25 *ibid.*

въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ есть правило, объявляющее постъ въ субботу необязательнымъ и будто на полѣ рукописи этого именно „занимающаго насъ“ пенитенціала средне-вѣковой глоссаторъ сдѣлалъ примѣчаніе, смыслъ котораго тотъ, что подобное правило чуждо римской, и напротивъ принадлежитъ восточной церкви. На самомъ дѣлѣ, и правило это, и замѣтка на полѣ содержатся не въ мерзебургскомъ, а въ валицеллянскомъ 1 пенитенціалѣ, и я съ тѣмъ большимъ правомъ могъ бы заявить себя неподготовленнымъ отвѣчать на это возраженіе проф. Павлова, что имѣю уважительныя основанія (высказанныя мною въ моемъ изслѣдованіи) считать мерзебургскій пенитенціалъ болѣе древнимъ, сравнительно съ валицеллянскимъ, и что не отрицаю вліянія восточной церкви на западное церковное правообразованіе, а напротивъ утверждаю, что въ это послѣднее вошло и восточное церковное право, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ. Пусть въ валицеллянскомъ читаются и означенное выше правило, и означенная выше глосса, могъ бы отвѣтить я профессору Павлову, да въ мерзебургскомъ—то ихъ нѣтъ, а онъ-то именно и „занимаетъ насъ“. Этого я, однако, не сдѣлаю и рассмотрю по существу каждое изъ возраженій проф. Павлова противъ западнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала, этого наиболѣе близкаго изъ латинскихъ пенитенціаловъ къ славянской „Заповѣди св. отецъ“.

Проф. Павловъ находитъ, что правило о несоблюденіи поста въ субботу людьми, проходящими покаяніе за грѣхи, могли практиковать и пропагандировать на западѣ только греческіе монахи, у котораго былъ подъ руками номоканонъ Іоанна Постника. Получилась бы удивительная несообразность, по мнѣнію ученаго рецензента, если бы признать, что римская церковь издавна предписывала своимъ членамъ соблюдать постъ по субботамъ, съ другой освобождала отъ этого поста епитимійцевъ, тѣхъ именно лицъ, которыхъ обя-

заны были къ усиленнымъ подвигамъ поста и покаянія. О томъ, существовать ли номоканонъ Іоанна Постника ранѣе составленія мерзбургскаго пенитенціала, будетъ рѣчь ниже. Здѣсь отмѣтимъ только, что сопоставляемые рецензентомъ мѣста изъ номоканона Постника и изъ валицеллянскаго пенитенціала, изъ которыхъ первое принимается почтеннымъ рецензентомъ за „прямой источникъ“ послѣдняго, далеко не соотвѣтствуютъ одно другому ни со стороны содержанія, ни со стороны литературной формы, на которую также не излишне обращать вниманіе, когда приходится судить о заимствованіяхъ одного автора у другаго. Въ греческомъ номоканонѣ говорится: „σάββατον καὶ κυριακῇ μὴ ἐν τινὶ βρώματι ἢ πόματι τὸ οἰνοῦν ἐπιτίμᾶσθαι, ἀλλ' εἶναι ἀκώλυτον εἰς πάντα, ὡς πάντες οἱ μὴ ἔχοντες ἐπιτίμιον⁶⁾“. А въ валицеллянскомъ читается: „Qui tota septimana jejunit pro peccatis, sabbato et dominico die manducet et bibat quicquid ei aptum fuerit. custodiat tamen se a crapula ventris vel ebrietate, quia omnis luxuria de ebrietate nascitur“ (послѣднія слова, напечатанныя курсивомъ, не приведены профъ Павловымъ). А непосредственно передъ цитированнымъ мѣстомъ въ валицеллянскомъ пенитенціалѣ читается чисто латинское разсужденіе: *omnis itaque poenitens non hoc solum debet jejunare, quod illi mandatum est a sacerdote, verum etiam postquam compleverit ea, quae illi jussa sunt, debet quantum ipsi visum fuerit jejunare sive IIII feria. sive parasceve. Si enim egerit ea, quae illi sacerdos praeceperit, peccata ei remittentur. Si vero postea ex sua voluntate jejunaverit, mercedem sibi acquirit et regnum coelorum⁷⁾*. Та-

⁶⁾ Morinus, Comment. de disc. in admin. sacr. poen. Venetiis, 1702, p. 623.

⁷⁾ Schmitz, Bussbücher und die Bussdisciplin d. Kirche, Mainz, 1883, стр. 242. Послѣ словъ: „acquirat et regnum coelorum“ непосредственно слѣдуетъ: „Qui ergo tota septimana“ etc. А затѣмъ далѣе слѣдуютъ правила о вѣнцѣ поста известною денежною суммою.

кимъ образомъ у Іоанна Постника говорится, что *вообще никому* не слѣдуетъ поститься въ субботу и воскресный день, а въ латинскомъ пенитенціалѣ говорится о людяхъ, проходящихъ покаяніе за грѣхи, и притомъ о такихъ, которые, *исполнивъ* возложенную на нихъ епитимію, совершаютъ еще излишнія дѣла покаянія, и этимъ-то именно лицамъ, какъ скоро они простираютъ свое усердіе до того, что постятся сплошь цѣлую недѣлю, не бывъ къ тому обязаны, составитель пенитенціала производитъ, такъ сказать, зачетъ, снимая съ нихъ обязанность субботнаго поста въ возмѣщеніе тѣхъ излишнихъ подвиговъ, которые совершены ими втеченіе недѣли. Это разсужденіе я называю чисто латинскимъ, такъ какъ оно вполне согласуется съ духомъ римской церкви и романо-германскаго христіанства: постъ въ субботу по общему правилу обязателенъ, но отъ этой обязанности, по мнѣнію составителя пенитенціала⁸⁾, *диспензируются* тѣ, которые и безъ того цѣлую седмицу провели въ постѣ, не бывъ къ тому обязаны, такъ что не только доставили должное *удовлетвореніе* за свои грѣхи, но и совершили нѣчто большее и излишнее. Отсюда видно, что отвѣтственность за недоразумѣніе, которое заставило Шмитца направить свои аргументы исключительно въ ту сторону, что разрѣшеніе отъ поста въ субботу не можетъ служить признакомъ восточнаго происхожденія валицеллянскаго пенитенціала, должна падать только и единственно на бібліотекаря или на глоссатора.

Проф. Павловъ не находитъ возможнымъ приписать какой

⁸⁾ Что слова: „qui tota septimana“ представляютъ собою субъективное мнѣніе составителя пенитенціала, доказывается отсутствіемъ ихъ не только въ мерзебургскомъ, но и въ весьма близкой къ валицеллянскому монтекассинской рукописи № 372. (См. о ней Schmitz, Arch. für kathol. Kirchenr. B. XXXIV, стр. 233 и сл. и въ Bussbücher, стр. 397 и сл.), въ которой правила о наложеніи покаянія стоятъ подъ заголовкомъ: „Poenitentiarium summorum pontificum“.

нибудь западной и въ особенности римской церкви происхождение того правила мерзебургскаго пенитенціала, которымъ запрещается употреблять въ пищу кровь и удушенію. Запретительнаго постановленія орлеанскаго собора 533 г. и посланія папы Григорія III къ св. Бонифацію рецензенту мало, для того чтобы допустить возможность происхожденія на западѣ подобнаго запрещенія, на томъ основаніи, что папа Григорій III былъ сиріецъ родомъ, и слѣдовательно могъ дать руководство германскому апостолу Бонифацію не какъ папа римскій, соображающій свои дѣйствія съ традиціями и съ практикой римской церкви, а какъ сиріецъ, вводящій въ западную практику восточныя начала церковнаго порядка. Само собою разумѣется, что это предположеніе и само по себѣ есть не что иное, какъ разсужденіе „вообще“, и притомъ весьма сомнительное, такъ какъ и восточный чловѣкъ, находясь въ положеніи римскаго епископа, скорѣе долженъ былъ говорить римскимъ, чѣмъ восточнымъ языкомъ, подобно тому какъ, напр. грекъ папа Захарія въ посланіи къ Пипину ссылается на декреты своихъ предшественниковъ⁹⁾ и что во всякомъ случаѣ члены орлеанскаго собора состояли не изъ сирійцевъ. Но, вромѣ того, проф. Павловъ упускаетъ изъ вида массу другихъ свидѣтельствъ, отчасти приведенныхъ Шмитцемъ, какъ Регинонъ и Оттонъ бамбергскій, отчасти опущенныхъ. Къ этимъ послѣднимъ нужно отнести рядъ запретительныхъ правилъ въ разныхъ латинскихъ пенитенціалахъ. Съ особенною подробностію трактуется этотъ предметъ въ такъ называемомъ римскомъ пенитенціалѣ, который, по словамъ Галитгара, извлеченъ имъ „e scrinio romanae ecclesiae“. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „si quis manducaverit sanguinem aut morticinum aut idolis immolatum, et non fuit ei necessitas, jejundet

⁹⁾ Mansi, Concil. coll. XII, 326 sqq.

hebdomadas duodecim¹⁰⁾. И затѣмъ ниже: „si quis canis aut vulpis, sive accipiter aliquid mortificaverint, sive de fuste, sive de lapide, sive sagitta, quae non habet ferrum, mortuum fuerit, haec omnia suffocata sunt, non manducantur, et qui manducaverit, jejundet hebdomadas sex“¹¹⁾. А въ ирландскомъ сборникѣ каноновъ содержится тоже самое запрещеніе, и даже съ ссылкой на *Иеронима*. „Hieronimus ait: suffocatum aut per manus hominum gentili more, aut per se ipsum lege mortis aut per bestias aut per ignem aut per aquam aut per aliam quamcunque mortis causa efficitur, illicitum est, morticinum est enim, quia absque effusione sanguinis emittit vitam et in quo moriatur anima“¹²⁾. Положимъ, А. С. Павловъ всѣ западные пенитенціалы производитъ съ востока, но вѣдь если бы церковныя воззрѣнія запада въ разсматриваемомъ пунктѣ были противоположны восточнымъ церковнымъ взглядамъ, составители латинскихъ пенитенціаловъ, черпая изъ предполагаемаго проф. Павловымъ греческаго источника, по меньшей мѣрѣ воздержались бы отъ внесенія въ свои сборники постановленій, совершенно противорѣчащихъ обычной западной практикѣ. Поэтому, болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ мнѣніе рецензента, представляется мнѣніе извѣстнаго западнаго ученаго Ассемана, который, будучи по происхожденію такъ же сирійцемъ, какъ и Григорій III, считаетъ за несомнѣнное, что запрещеніе употребленія въ пищу крови дѣйствовало во всей силѣ и на западѣ¹³⁾. Правда, папа Николай I въ своемъ отвѣтѣ болгарамъ не воспрещаетъ безусловно употреблять въ пищу животныхъ и птицъ, убиваемыхъ безъ про-

¹⁰⁾ Morinus, p. 567, по Schmitz'y с. 44 на стр. 480.

¹¹⁾ Morinus, p. 568, Schmitz, стр. 488. Ср. также въ разныхъ латинскихъ пенитенціалахъ у Вассершлебена на стр. 122 с. 14, на стр. 137 с. 12 и 15, на стр. 191 с. 6, на стр. 243, XIII, 2 и др.

¹²⁾ Wasserschleben, Die irische Canonensammlung, Leipz. 1885, S. 216.

¹³⁾ Assemani, Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis, Romae, 1762, lib. IV, p. 505 sqq.